

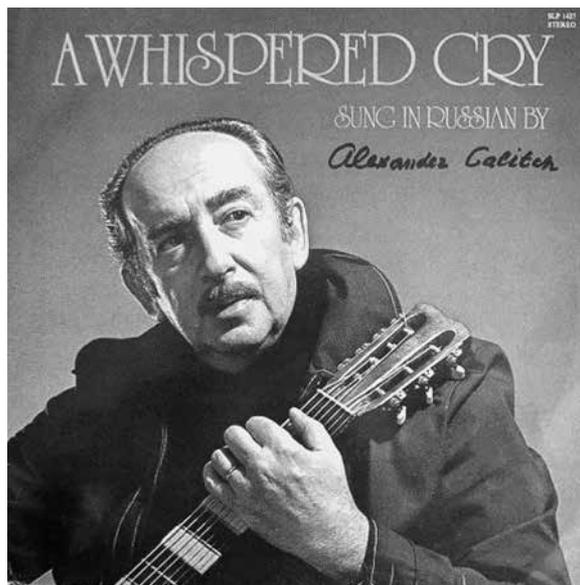
ЗАМШЕВЫЙ ПРИЗРАК

О ЗАГАДОЧНОМ И АНОНИМНОМ ПОЯВЛЕНИИ
АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА НА СОВЕТСКОМ ТЕЛЕЭКРАНЕ

ГЕОРГИЙ «ГАРИН» ОСИПОВ
Писатель и переводчик, архивист и хроникер винтажной музыки и кинематографа, автор и ведущий музыкально-литературных спонтанлей «Шнола Надавров» («Трансильвания беспокоит»), «Бесполезные испопаемые» и др.

В книге одного, возможно не существующего, прозаика прошлого века смакуется привычка старинных художников оставлять на полотне вместо подписи свой автопортрет. Сказано об этом в одном из тех мест, какие запоминаются с одного раза, однако не поддаются обнаружению, словно их там и не было.

Фильм же можно пересмотреть на широком экране, чтобы убедиться в том, что знакомая фигура тебе не померещилась. Но для этого необходимо знать режиссера в лицо, а далеко не все кинематографисты наделены колоритной внешностью Рязанова или Хичкока.

Помимо этих гигантов, себя обильно демонстрировали маэстро итальянского ужаса Лучо Фульчи и великий архитектор советского телесериала Вячеслав Бровнин.

В любопытнейшей интерпретации набоновского «Отчаяния» Райнер Вернер Фассбиндер (caveat lector) предстает в облине хасида, поглощенного шахматной игрой на фоне бесчинствующих штурмовиков.

Порой создатели картины появляются в ней на мгновение, и опознать их можно только с помощью стоп-кадра, функции рядовому зрителю в былые времена недоступной. Позволить себе такую роскошь могли только представители спецслужб, изучая оперативный материал, снятый скрытой камерой.

Сценаристы и того реже.

Одна из таких мимолетностей и послужила темой данной заметки.

Вали все на замшу!

Звучит по-пижонски, но в этом есть своя логика. В чем я вас попробую убедить ниже. Сам-то я удостоверился в этом сравнительно раньше, однако не спешил делиться своим открытием, полагая, что оно мало будет интересно.

Вали все на замшу...

Современные ретроспективы принято подкреплять дайджестами событий, в том числе из области поп-культуры. В чрезвычайно успешный период Галича-сценариста в эфире, соперничая с новинками «Битлз», царила песенка «Blame it on the Bossa Nova», чье название динторы «вражеских голосов» переводили как «Вали все на босанову».

Многие деятели советской культуры, покинувшие СССР демонстративно, из фрондерских побуждений, успели познакомиться с западной жизнью не понаслышке, еще будучи вполне благополучными литераторами, режиссерами, музыкантами. В том числе и профессиональный драматург Александр Галич.

Вот как описывает свою french connection он сам:

«Я бывал в Париже довольно много раз. Когда-то в первый раз я попал туда в качестве туриста, советского туриста с группой советских кинематографистов, потом мне довелось бывать здесь трижды. В Париже я бывал уже когда мы работали над совместным советско-французским фильмом «Третья молодость», который был посвящен жизни и творчеству замечательного французского танцовщика, ставшего великим русским балетмейстером, Мариуса Петипа».

Байопик Древиля и Менанера занимает достойное место в ряду картин о культурных мостах между царской Россией и Европой в XIX веке.

Он смотрится бок о бок с «Чайковским» Игоря Таланкина по сценарию Нагибина, на чьей совести немало щекотливых воспоминаний о Галиче. Но нам этот фильм любопытен не своими художественными достоинствами, а в первую очередь той уникальной крупницей фантастического, чье существование трудно допустить, пока тебя не ткнут в нее, что называется, носом.

«Третья молодость» (или «Ночь прощания») начинается почти так же, как «Бегущая по волнам», — подчеркнуто реалистично. Вечерний Ленинград. Под закадровый голос Василия Ланового афишную тумбу огибают граждане, среди которых выделяется, нет, не выделяется, а просто присутствует импозантный мужчина — высокий лысый брюнет лет пятидесяти. Наimeo длится считанные (три) секунды, но, как сказано в одной из песен, придуманных этим человеком, «и этого достаточно».

Далее повествование переносится на сто с лишним лет назад. Прием эффектный. Так, в прологе «Операции «Трест»» по платформе Ярославского вокзала наших дней новыляет раненый красноармеец в буденовке.

Французский вариант названия «Третьей молодости» — «Ночь прощания» — звучит несколько готически, почти как «Симфония ужаса». И три секунды Галича в ее прологе можно обозначить как самую короткий немой киноробус. Полновесный эпизод «Сумеречной зоны» — самый короткий и самый загадочный.

Человек, чей голос в ту пору слушали тысячи, возникает инкогнито, не сказав ни слова. Так же безмолвствует в военной трагикомедии Мотыля «Женя, Женечка и «Натюша»» ее сценарист, иконописный Булат Ондужава.

Известная песня подчас впечатляет сильнее, когда она доносится из-за кадра, иллюстрируя картину словами, не имеющими прямого отношения к происходящему на экране. Запоминаются именно эти слова. Иногда

иностранные, как в «Трех тополях» на Плющихе» (18-я мин. 45-я сек.), когда из транзистора в сельской местности вырывается экспрессия Мирей Матье: *Oui je crois, qu'une vie ça commence avec un mot d'amour...*

Иногда — наши.

История про «гадов-физииков» заинтриговала меня в «Утолении жажды» (26-я мин. 24-я сек.) по Юрию Трифонову. И там Галич звучал анонимно, из-за двери, к тому же в исполнении неизвестного мне человека, судя по интонации, профессионального актера.

То есть первое, что мог услышать ребенок моего поколения — не фамилию автора слов, а сами слова. Но автора мог и увидеть, не подозревая, кто промелькнул перед ним, как это происходит в эпизоде «Третьей молодости», чью тайну сберегла для нас кинолента.

Существуют же романсы Вольфрама, Рощина, даже Колчана. Существуют и монологи — Снупого Рыцаря, Фауста, Гамлета, наконец, Хлопуши. В предисловии Галича к песне о стариках и старухах слышится Ипполит Матвеевич Воробьянинов:

«Теперь я расскажу сказку. В своей прошлой жизни я довольно часто бывал в Париже. И вот однажды, приехав из Парижа, я заболел, и меня свезли в кардиологический санаторий... Я был весь пижонский, весь в ЗАМШЕ...»

Вот она — эта парижская «замша»! Ткань не имеет значения...

Примерно так же появляется (31-я мин. 31-я сек.) в одной из оттепельных картин о романтике «строек социализма» легендарный джазовый барабанщик Лаци Олах — внезапно и ниоткуда. Тем не менее это он, и больше мы его нигде не увидим. И флиртует со стюардессой-сиротой в первом классе трюмного трюма «Государственный преступник» посетитель ресторана, похожий на всех сразу.

Символическую роль в этой истории про охоту органов за пособником нацистов играют часы с музыкой. Такие же часы помогают вычислить убийцу в итальянском джалло «Семь нот в темноте», когда, казалось бы, все потеряно. Наше сообщение можно было бы озаглавить «Три секунды в сумраке кинозала».

Следует отметить, что смена света и тьмы в сцене пролога «Третьей молодости» происходит подозрительно быстро, я бы сказал, в ускоренном темпе. Не хватает только полной луны, вызывающей мучительные метаморфозы у пораженных линантропией персонажей.

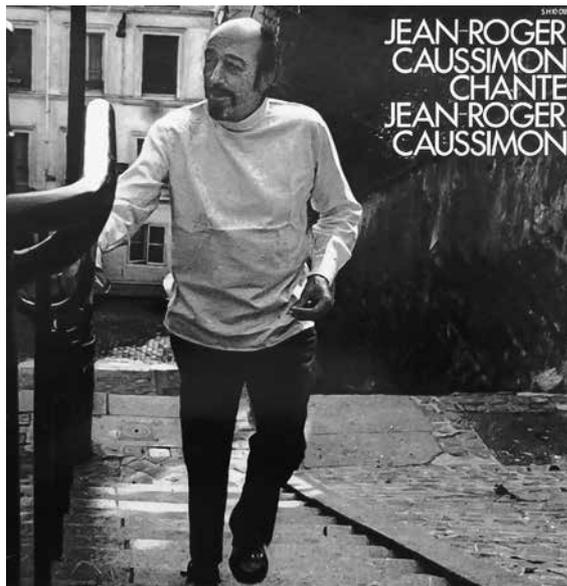
Мы не случайно сдвигаем разговор в сторону остросюжетного и даже ужасного. Это не отклонение от темы, а насыщение ее подробностями, которые необходимо зафиксировать.

В третьей серии самой знаменитой экранизации его подвигов Фантомас орудует на берегах озера Лох-Несс, где, как известно, находилась резиденция чернокнижника Кроули, недавно выгоревшая дотла.

Главный «Галич» в зарубежном кино — это, конечно, лорд Мак-Решли из третьей серии «Фантомаса», один из трех персонажей, озвученных в одном фильме виртуозом советского дубляжа Владимиром Дружниковым. Как будто он успел сняться в этой роли, работая во Франции над байопином Мариуса Петипа.

Кстати, французский антер Жан-Роже Носсимон был превосходным шансонье-фразировщиком. К тому же с Галичем они одногодки. Не просто «приличным», а я бы сказал, виртуозным. И запел он в полную силу после сорока, так же как Галич и Серж Реджани.

В одно время со скандальным фестивалем в Академгородке Новосибирска французские куплеты про Фантомаса были весьма остроумно переделаны на советский лад нем-то из наших бардов вполне в духе Галича. На довольно непростую мелодию их перед самой войной положил гениальный Нурт Вайль. Несмотря на быстрое снятие картины с экранов, песенка про лысого монстра продолжала звучать в упрощенном виде (на «блатных» анкордах) довольно долго. Печальна судьба одного из ее создателей. Близкий к сюрреалистам поэт Робер Деснос погиб в нацистском лагере смерти.

В детективе Росса Мацдональда «Полосатый катафалк» ключевой уликой служит пуговица с дорогого пальто из твида. Возможно, при слове «замша» в подводке к балладе о старинах и старухах в чьей-то памяти иррациональным образом маячит фирменная вещь из этого некогда дефицитного материала, символ выездного статуса ее обладателя. Возможно, и нет.

И еще одна вещь, о которой я должен сказать в качестве «бонуса».

Это загадочное и анонимное появление Галича на советском телеэкране в первую годовщину его загадочной гибели. Просматривая программу передач, я с изумлением обнаружил в ней фильм «Вас вызывает Таймыр», запоздалую и странную экранизацию некогда популярной пьесы, написанной Галичем еще при Сталине. Сотрудники Центрального телевидения не могли этого не знать. Списки опальных авторов имелись даже в районных библиотеках. В этой неслучайной случайности мне помешался символический жест могущественного покровителя.

В отличие от сатирической «Жалобной книги», снятой Рязановым по сценарию Галича на излете оттепели, «Таймыр» — довольно безобидная лирическая комедия. Единственная фраза, которая в ней звучит двусмысленно, — это жутковатое (28-я мин. 30-я сек.) «пятно на весь этаж».

Основные надежды я возлагал на радио «Свобода», заранее зарядив фирменную кассету в портативный Panasonic. Но и там вместо сатирических гротесков сквозь глушение доносилось скорбное *«Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой и еще раз под Нарвой»*.

Главным паранормальным явлением того декабрьского вечера стала «тень отца Галича», частично подтвердившая верность одного из его

«скромных пророчеств» — *«и мой глуховатый голос войдет в незнакомый дом»*. Только вместо голоса просочилось что-то абстрактное и зыбкое, и от этого еще более насыщенное беспокойным присутствием, которое порой сильнее всего ощущается в самых тихих омутах, в нонконвенциональных вещах будущих нонконформистов, которые было принято с азартом прочесывать в поисках скрытой крамолы.

В ту пору меня в равной степени интересовало абсолютно все, что связано с Галичем, скажем так, не идейно, а интонационно, нелинейно-ассоциативно.

Совсем «слабых» песен у него, так же как у Синатры с Азнавуром, попросту не было и не могло быть.

Такая вот микроскопическая манифестация, пускай крохотная, но «победа поэта», чья биография изучена, казалось бы, досконально. «Победа поэта», помнится, так назывался посвященный Галичу пафосный панегирик Василия Бетани, ныне забытого переводчика поэзии Эдгара По...

